

Глава 3

Шэнь Юй удовлетворенно вздохнул. То ли он слишком проголодался, то ли продукты в эту эпоху и впрямь были качественнее, но обычные вареные яйца показались ему невероятным деликатесом.

Сытости юноша не почувствовал, но тяжесть в желудке хотя бы уняла мучительную резь. Еда была вкусной, но сухой — яйца так и норовили встать комом в пересохшем после лихорадки горле. Если бы не зверский голод, он ни за что не стал бы глотать их так быстро.

Поставив пустую миску на место, Шэнь Юй решил не останавливаться на достигнутом и принялся методично обшаривать шкаф.

В памяти прежнего владельца тела это место было территорией под строжайшим запретом. Парень боялся даже приближаться к нему. Когда он только переехал в семью Сяо, Лян Фэнся как-то попросила его прибрать со стола. Стоило ему положить пару недоеденных булочек в шкаф, как старуха Сяо, невесть откуда взявшаяся, подлетела к нему. Несмотря на преклонный возраст, двигалась она на удивление резво. Огрев пасынка по руке, она обозвала его «невоспитанным деревенщиной с загребущими лапами».

С тех пор Шэнь Юй не смел притрагиваться к еде вне обеденного времени, но это не спасало его от постоянных обвинений. То дети отчима стащат что-нибудь втихаря, то сама хозяйка дома забудет, куда переложила продукты — виноватым всегда оказывался «чужак».

Просматривая эти воспоминания, новый хозяин тела чувствовал, как внутри закипает ярость.

«Каков терпила, — сокрушался он. — Имена у нас похожи, но характеры — небо и земля»

Будь Шэнь Юй на его месте раньше, он бы разнес этот дом к чертям. В крайнем случае — уехал бы обратно в деревню к отцу пахать землю, но не позволил бы так над собой издеваться.

В своей прошлой жизни, еще подростком, он столкнулся с похожей ситуацией. Его мать сошлась с богатым мужиком и забрала сына в роскошный дом. Однажды этот тип решил развлечься: когда к нему пришли собутыльники, они подпоили гостя и ради смеха потребовали, чтобы подросток снял штаны и показал, как «хромой калека умеет вышагивать».

Шэнь Юй тогда не раздумывая швырнул тяжелую пепельницу прямо в лицо обидчику и бросился наутек.

Воспоминания о тех гнусных днях давно стерлись, но участь прежнего владельца тела заставила старые раны зануть с новой силой, и настроение окончательно испортилось.

Кухонный шкаф семьи Сяо был невелик: на верхней полке теснились тарелки, палочки и та

самая миска с остатками утренней каши. Яйца, спрятанные в самой глубине, уже перекочевали в желудок, и больше ничего интересного там не нашлось.

В нижнем отделении лежал мешочек с кукурузной крупой. Юноша помнил такой вкус из детства — цельные зерна сушеной кукурузы, пропущенные через дробилку. У семьи Сяо кукуруза была даже не очищена от шелухи, из-за чего каша получалась грубой и жесткой. Именно ею старуха Сяо чаще всего кормила домочадцев на завтрак и ужин.

Продолжив поиски, он вскоре обнаружил немного пшена, полмешка картошки и несколько клубней батата.

Сладкий картофель!

Шэнь Юй просиял. Батат — вещь универсальная: хорош и сырым, и вареным. Зимой, запеченный в углях, он согревал и руки, и нутро. Разводить огонь сейчас было нельзя, но сырой корнеплод отлично утолял жажду.

Вырвав лист из тетрадки Сяо Цзяяо, которую тот нарочно оставил дома, парень обтер находку от земли. О чистоплотности он сейчас не думал. Вместо ножа он использовал собственные зубы — содрал кожуру и вгрызся в сочную мякоть.

Хрустко! Сладко! Свежо!

Шэнь Юй довольно прищурился.

Батат оказался не слишком сладким, зато очень сочным. Он не только наполнил желудок, но и приятно смягчил пересохшее горло. Плотная мякоть приятно хрустела на зубах, даря ощущение настоящей, сытной еды.

Юноша умял два клубня и съел бы еще, не будь они такими холодными. Наевшись, он смел скорлупу и очистки. Пора было возвращаться в «гнездо». Ослабленному организму требовался отдых.

Уже собираясь уходить, он помедлил, а затем не выдержал и прихватил с собой еще парочку штук. В такой обстановке без заначки не заснешь. Вернув всё на свои места и защелкнув замок, он притащил лестницу. Забравшись наверх, Шэнь Юй спрятал «сокровища» в ящик у изголовья — теперь до них можно было дотянуться рукой.

Улегшись на жесткие доски, он решил, что теперь это тело принадлежит ему, и он обязан о нем позаботиться. Первым делом — сон. А всё остальное подождет до пробуждения.

Шэнь Юя вырвал из сна пронзительный голос старухи Сяо. Она взобралась на лестницу и, высунув голову в лаз, с силой шлепнула его по ноге:

— Ах ты, паршивец! А ну вставай!

Юноша открыл глаза и, увидев прямо перед собой сморщенное лицо, отшатнулся так резко, что едва не приложился затылком о стену.

— Воряга! Говори, ты яйца сожрал? Мелкий пакостник, ни стыда ни совести! Спускайся немедленно, я из тебя всю дурь выбью!

Шэнь Юй подтянул ноги, уворачиваясь от очередной затрешины, и невозмутимо произнес:

— Кажется, настил сейчас рухнет.

Старуха, собиравшаяся было лезть дальше, чтобы задать парню трепку, замерла. Почувствовав, как лестница под ее весом угрожающе качнулась, она тут же принялась осторожно сползать вниз. Старуха Сунь из соседнего дома в прошлом году так же неудачно упала — потратили кучу денег на врачей, а она до сих пор на ноги встать не может, хотя годом младше будет.

Оказавшись на твердом полу, женщина вновь обрела уверенность. Уперев руки в бока, она закричала:

— А ну катись вниз, неблагодарный щенок! Сегодня я тебя до смерти запорю!

Шэнь Юй спокойно улегся обратно и натянул одеяло:

— Не пойду. Вы меня бить будете, а я боюсь.

— Спускайся, я сказала! — зашлась в крике старуха Сяо.

— Не-а.

— Спускайся!!!

— Нет.

Она едва не задохнулась от ярости. Лезть обратно пенсионерка не решалась, а потому в бессильной злобе утащила лестницу в угол.

— Ну и сиди там, на стене! Сдохни с голоду, выродок!

Сама же она никак не могла взять в толк: утром она лично убрала лестницу, да и шкаф был

заперт. Чертовщина какая-то.

Шэнь Юй даже бровью не повел. Он нащупал в ящике батат и почувствовал спокойствие.

«Хе-хе, не ждала? — он довольно ухмыльнулся. — У меня есть запасы!»

Не дождавшись ответа, старуха Сяо почувствовала, как обида распирает грудь. Не найдя другого выхода, она выставила напоказ миску, полную скорлупы, и принялась голосить на весь дом:

— Ох, люди добрые, посмотрите! Вор под боком вырос! Яйца мои сожрал, словно век их не видел! И ведь не побоялся у матери родной красть... чтоб тебе нутро всё выжгло!

На крики из соседних дверей посыпались любопытные. Тётушка Чжоу высунула голову:

— Старуха Сяо, да что стряслось-то?

— Смотрите, люди, смотрите! — Та трясла миской перед носом у соседей. — За что же нашей семье такое наказание? Выкормили на свою голову воришку! И поим его, и кормим, и в школу отправили, а он всё под себя гребет...

Соседи, прожившие бок о бок много лет, прекрасно знали натуру хозяйки дома. Кто-то сочувственно кивал, считая Шэнь Юя обузой, но были и те, кто помнил, как старуха и раньше почем зря поносила пасынка.

Парню было плевать на репутацию. С такими родителями, как у него, люди всё равно найдут повод считать его дрянью. Однако он знал: в эту консервативную эпоху людская молва может стать петлей на шее. Ему нужно было действовать.

Шэнь Юй резко сел. И тут же со всей дури впечатался макушкой в потолок.

— Ой, глядите! Он что это удумал?

Квартирка была крошечной, и соседям в дверях было отлично видно, как юноша с красными от боли глазами свесил ноги из лаза, словно собираясь прыгнуть. Старуха Сяо опешила. Соседи всполошились: кто бы что ни думал, а несчастного случая никто не хотел.

— Мальчик, не дури! Разобьёшься ведь!

— Вот именно! Где там лестница? Тётушка Сяо, подставьте ему скорее!

Сердобольная соседка сама подхватила лестницу и приставила ее к стене. Шэнь Юй бросил на старуху Сяо испуганный взгляд и едва слышно пролепетал:

— Спасибо, тётушка... Но... ба... Бабушка сказала мне сидеть здесь...

Старуха Сяо категорически запрещала ему называть ее бабушкой, требуя более формального обращения. Соседи переглянулись. Кажется, она и впрямь только что это орала.

Голос парня был таким тихим, что его едва было слышно за воплями хозяйки.

— Я тебе сказала спускаться! — взвизгнула старуха Сяо, чувствуя, как почва уходит из-под ног.
— Катись оттуда!

Шэнь Юй вздрогнул всем телом и забормотал, всхлипывая:

— Я... я сейчас... Бабушка, только не бейте... я больше никогда не буду трогать яйца... Пусть всё достается братьям... я просто очень проголодался. С самого утра маковой росинки во рту не было, а спуститься я не мог... я думал, что умираю. И вспомнил, как в деревне мне бабушка яйца варила...

Сердца соседей дрогнули. Бедное дитя! Выражения лиц сменились на суровые. В этом районе жили рабочие — в семье Сяо работали трое, они считались зажиточными.

Сколько стоит одно яйцо? Три-четыре копейки. В какой же нужде нужно держать ребенка, чтобы он, умирая от голода, мечтал об одном-единственном яйце? Более того, мальчик явно болен, а его оставили без еды, лишив возможности даже спуститься.

Взгляды, обращенные на старуху Сяо, стали ледяными. Все понимали, что приемыша недолюбливают, но морить ребенка голодом?

— Старуха Сяо, скажем прямо — не по-людски это!

Хозяйка онемела. Она и слова вставить не успела, как из обвинителя превратилась в подсудимую. Она никак не могла взять в толк, почему все защищают этого мелкого воришку.